

Tul_05_003

16.07.2005 г.

Инф.: **Галина Иосифовна Могилевская**, ок. 1925 г.р. род. г. Саратов

Соб.: С. Н. Амосова, С. В. Николаева

Сторона В (1)

ГИ: ...значит, сделала ну, она, собственно, ввела панцину. Эта панцина – это как у нас было, как, как это будет по-русски?

СА: Крепостными?

ГИ: Крепостными, да.

СА: Ага.

ГИ: Она же сделала и черту оседлости для евреев.

СН: Да, собственно, да.

ГИ: Вот. Это была черта оседлости. И тут вот на..., наша, Могилев-Подольская, это самая, наша область почти вся – это была, входила в черту оседлости, Подолье.

СН: Да. Ага.

ГИ: Значит, ну, я не знаю э-э... обычаев. Я не могу вам ничего сказать, потому что в городах, извините... Когда я писала свою книжку о живых, помимо того, что мне тяжело это приходилось, так я еще плакала, потому что ко мне подходили люди, говорили: «Я – поляк. Пишите меня поляком, а не украинцем». Приносили мне свои э-э...документы. Понятно?

СА: Ага.

ГИ: Тут очень много было. Тут протеста..., противостояние всех и всего.

СН: То есть тут не вполне спокойно с национальной ситуацией, да?

ГИ: Нет. Дело в том, что с тех пор как евреи рассеялись по всей..., по всей диаспоре, да, по Европе и везде, они нигде не жили спокойно, вы это знаете?

СН: Да, да.

СА: Ну, конечно, да.

ГИ: Вот. Они нигде не жили спокойно, потому что, понимаете что, евреям запретили заниматься сельским хозяйством. Правда, у нас были колхозы. У нас были колхозы еврейские. Вот в ... в Могилев-Подольском, там был колхоз еврейский.

СН: А в какое время он был, а?

ГИ: После войны. То есть перед войной.

СА: Перед, перед войной...

ГИ: После революции, ну я не знаю, но перед войной, да. Потому что после войны там уже некому было сделать этот еврейский колхоз. Вот. У нас здесь был...э-э... в районе был знаменитый лагерь Печерский, где уничтожено колоссальное количество евреев.

СА: Да.

ГИ: И я никак не могу восстановить, никак не могу восстановить количество этих людей, потому что...

(разливает чай)

<пауза>

СА: А где Вы родились?

ГИ: Я родилась далеко, ну а выросла я на Украине. Я родилась в России.

СН: А в России где?

ГИ: Я волжанка.

СА: Да Вы что?

<СН: Да Вы что?> (нрзб.), но родилась в Чувашии.

ГИ: Откуда? А-а... А я из Саратова.

СН: Ну это вот недалеко.

ГИ: Недалеко, да.

СН: А на Украине Вы были, то есть Вы приехали потом из Саратова с родителями, наверное, да?

ГИ: Дело в том, что мои родители э-э... Мне было пять лет, когда мы сюда переехали, переехали на Украину. А в Тульчин я уже приехала взрослым человеком, с семьей, со всем.

СА: А Вы где жили на Украине.

ГИ: В Виннице.

СА: А в Виннице, ну это недалеко.

ГИ: Нет, недалеко. Мы сейчас будем пить чай. Какой чай?...

(Наливает чай)

СН: У Вас фотографии очень интересные.

ГИ: Да? Какие?

СН: Все, все абсолютно.

ГИ: Это моя родственница *(показывает на фотографию актрисы Веры Муравьевой, которая стоит у нее на буфете)*.

СА: Да?

ГИ: Да. У меня здесь нет никого чужих. Это мой муж, это моя старшая внучка, дальше вы там смотрите, что вы там увидите.

(Разговор продолжается за столом)

ГИ: Света какая любит крепче, пожалуйста. Света порежет.

СН: Света порежет *(про торт)*

ГИ: Так, садитесь, девочки. Ложечки вот на столе, сахар на столе.

СН: А вот это Вы? *(о фотографии)*

ГИ: Это я в молодости, да. Это мой внук в детстве, а сейчас он, крохотуля, вот он. А вот встаньте посмотрите.

СН: Ага.

ГИ: Вот это мой сын. Вот он такой в студенческом отряде. Это э-э... мой внук и младшая внучка. Это моя дочка, это ее сын. А вот это его младшая дочка, это его старшая дочка, это его внук. Вот я с ним. А это мы с мужем в день свадьбы... А это за неделю до его смерти, такой был (нрзб.) мы шли девятого мая, а пятнадцатого мая он умер, а через пять лет он мне подарил эту фотографию.

СН: Да, я вот смотрю на эту фотографию. Вы здесь очень похожи на мою бабушку.

ГИ: Да?

СН: Да.

ГИ: А откуда она?

СН: Ну вот она жила в Чувашии всю жизнь.

ГИ: А нет, в Чувашии нет.

СН: Ну, наверное, это просто все-таки сходство.

ГИ: Какое-то есть сходство. Дело в том, что чистых наций нету, девочки.

(Опять усаживается за стол)

Так, сахар, конфеты – это все, что на столе. Еще вишенки я вам помою, и будет все в порядке.

СА: О, спасибо.

ГИ: Так, сахар, пожалуйста.

СА: Ага. А вот э-э...

ГИ: Что?

СА: Про «чистых наций нет» - а как относились вот в Тульчине и вообще вот Ваши родители к смешанным бракам?

ГИ: У меня у сы..., сына русская жена, у дочки был..., был русский муж. Что вас интересует?

СА: Нет, просто вот это нормально воспринималось или вот все-таки как-то?

ГИ: Знаете что, это...ну, смотря в каких семьях.

СА: А-а...

ГИ: Просто у нас была, наша семья интеллигентная. Ну и... кроме того, учтите, что у меня муж же учитель. А учителя, они очень стараются...

СН: Ну вот нам тут рассказывали про какие-то конфликтные ситуации, которые бывали у людей в школе, когда были какие-то «обзывательства», конечно, учителям приходилось эти ситуации как-то смягчать и разбираться...

ГИ: Когда, когда, когда мой муж работал – я этого не помню. Во-первых, он проработал здесь тридцать восемь лет проработал...

СА: Ага.

ГИ: ...и три потом лежал в больнице. Нет. Он лежал в больнице до этого, но... Э-э-э... Так что я не знаю. Я работала, я на работе ничего не чувствовала. Я чувствовала это в другом плане. Когда вот было, когда наш Папа всесоюзный жил, и когда он заводил всякие дела против евреев – тогда, конечно, мы это чувствовали. Мы чувствовали не здесь, мы чувствовали свьше. Вы понимаете, когда...

Девочки, не стесняйтесь, я вас прошу...

СН: Все в порядке.

ГИ: Понимаете, я привыкла, что у меня вечно э-э... вечно это самое.

СН: Да все очень хорошо очень, все в порядке.

ГИ: Вот тут через сорок восемь лет... Вот там, Светочка, встанешь, до того стола. Там, где деревянная тарелка. Попьешь, потом. Деревянная тарелка, мне вырезал, пришел ученик и вырезал. Он намного моложе меня, и вырезал мне тарелку, деревянную. Так что у меня..., я богатая очень. Я же говорю, что богатая.

Вот мне..., у меня был в прошлом году юбилей, и как его праздновали – нужно вам рассказать. Это только, наверное, я такое могла. Я, приехал мой внук, мне устраивать юбилей. На второй день приехала младшая внучка с мужем. На третий день приехал сын, пара одноклассников приехала его. Ну, мои родственники, которые близко здесь, мои приехали. И... А я заказала большой стол. И пришли ученики... разных возрастов, меня поздравлять. Кто кого приглашал – я не знаю, но они вели, один тянул за другого. Это было очень красиво, потому что никто не готовился специально. Не было, знаешь что, вот таких шо, высокопоставленных никого не было – я никого не приглашала. И это было, это было потрясение на весь Тульчин. А Тульчин же как? Ты чихнешь в одном месте – тебе скажут тут же «будь здоров». У вас в Питере, слава, Богу, тоже так.

СН: В Питере на самом деле оказывается, что действительно тоже так.

СА: Тоже так.

ГИ: А у нас тем более. Девочки, ешьте все, что на столе, не стесняйтесь.

СА: Ага, спасибо.

ГИ: Вот это очень вкусные новые конфеты. Это наши украинские. Возьмите, возьмите.

СН: А какие?

ГИ: А я не скажу, пока вы не поедите. То, что сверху – это неважно, потому что еще там внутри есть начинка.

Ага. Потом значит, это было оседлость. Вы знаете, что большинство населения Тульчина были евреи. В районе было тоже много евреев. Были ка..., были люди, которые занимались сельским хозяйством. Не все евреи же были торгашами, как вы понимаете. Здесь было очень много всяких ремесленников, причем до сих пор вспоминают ремесленников-евреев. Вот, я вчера читала местную га..., нашу районную..., областную газету и смеялась, значит. У нас сейчас должны выбрать нового мэра города, Винницы.

СА: Угу.

ГИ: У нас одно время был еврей - мэр.

СН: Ага, в Виннице, да?

ГИ: В Виннице, да. Дворкис – его фамилия. И сейчас они хотят его опять.

СА: М-м, угу.

ГИ: И это пишут с такой, значит, с иронией, что, мол, как ни странно был еврей у нас. И сейчас вот выбирают, того-то, того-то хотят, а хотят-таки Дворкиса!

СА: Да.

СН: Понятно. А вот ремесленники-евреи Вы говорите, про которых..., которые были очень известны, а кто, например? Или это неизвестно на самом деле уже?

ГИ: Нет, так может быть известно... Девочки, я же работаю с пятидесятого года. Понимаете, я здесь живу пятьдесят пять лет. С пятидесятого года. Кто был ремесленники – я не знаю. Единственное что - можно устроить опрос. Если бы вы мне дали это, так я бы вам опрос

устроила. А просто тут еще есть кто постарше, они бы вам сказали. Они бы вам рассказали, что это такое, и можно было бы составить вам, а я никого не знаю.

СН: Ну вот, может быть, были какие-то портные, которые, я не знаю там, шили костюмы и...

ГИ: Здесь были портные...Здесь были прекрасные столяра, здесь были жестянщики, медники, э-э...ювелиры – все было. Но это все было до войны. После войны тоже было, но это уже были остатки, конечно.

СН: Ну после войны, конечно, да.

СА: А после..., А вот в Тульчине в войну, ну вот, что говорят, плохо было или как-то вот?

ГИ: В Тульчине? В Тульчине, значит, всех тульчинских евреев согнали вот здесь недалеко, согнали вот здесь недалеко, школа – бывшая еврейская школа. Это вот как вы пройдете, значит, это самое, как это называется, музей. И сразу налево вот эта улица.

СН: Да, нам показывали.

ГИ: Там, там было гетто.

СН: Ага.

СА: Ага.

ГИ: А остальных евреев свезли... значит, в этом гетто оставляли людей, которые имели выдающиеся какие-то эти самые... специальности, прекрасный там портной или еще кто-то – то, что нужно было немцам. Остальных сгоняли в лагерь, в концлагерь. Сначала их согнали в один концлагерь, жили они в конюшнях, а потом они э-э...попали в концлагерь Печору.

СА: Ага.

ГИ: Есть у нас такое над Бугом село Печора. Там один из, это самое...

Девочки, я не люблю, когда так сидят...

СН: А Вы знаете, мы просто то самое...

ГИ: Слушать можно и так...

СН: ...ходили тут после завтрака, поэтому...

ГИ: Значит там, это один, одно из поместий э-э... Потоцких. Потом там до войны был военный санаторий, а после войны там костно-ортопедический санаторий. Значит, в этот санаторий согнали людей. Вы не поедете в Печору?

СН: Мы может быть поедем.

СА: Может быть поедем, может быть будет экскурсия.

СН: У нас должна быть, ну вот, экскурсия по близлежащим местам...

ГИ: А кто будет водить?

СН: Мы пока не знаем даже толком, может быть поедем.

СА: В понедельник вот наверное, да.

ГИ: Дело в том, что вот эта наша улица главная – ее называли «Дорогой смерти». Ты кушай – и слушай.

СН: Угу.

ГИ: Кот Васька слушает, да ест, так?

СН: Хорошо.

ГИ: Вот. Я хочу пить, я могу... я дома, я могу что угодно, я могу кушать и не кушать. Но пить я хочу, я вот пошла... Понимаете шо, вышла, здесь немножко прохладно, вышла на солнышко. Все-таки мне уже до..., хоть я и постановила в Тульчине, что мне восемнадцать с половиной, но это немножко, половина слишком большая.

Ее называют «Дорогой смерти». По этой дороге вели людей, вели людей. Я могу вам, у меня есть э-э... пленки, у меня есть, значит, кассеты ... с записями так, Печоры там, вот этого первого концлагеря, могу вам показать, если хотите. Тут все есть.

СН: А вот записи – это воспоминания людей или...?

ГИ: Нет, не записи - кассеты, кассеты. Кассеты.

СА: Ага.

ГИ: У меня есть одна кассета, которую делала, значит... Ну что, воспоминания людей... У меня есть статья, которая будет сейчас вот напечатана в книге о Холокосте. Книга никак не издается, потому что денег нет. Я в спонсоры плохо подхожу. Киев издает. Киевский институт иудаики, не иудаики, как он? Наш «Открытый университет».

СА: А!

ГИ: Филиал «Открытого университета» издает. Вот. Я студентка. Ну что я могу вам сказать, очень много можно сказать. Я могу вам показать пленки, показать пленку вот этой, э-э... корреспондента, и есть наши любительские, как мы шли. Вот.

СН: Понятно.

ГИ: У меня есть картина «Млын» - «Мельница». Это рассказы людей Могилев-Подольского района о том, что там было пережито. Изумительно сделана, это, конечно, делали профессионалы, вот. Очень красиво и очень... Так что я могу вам показать, все что хотите. Я вам рассказываю все, а вы потом скажите, что вас интересует.

СН: Да, хорошо.

СА: Да, посмотрим.

ГИ: Я оттарабаню все, а потом. Ну что я еще могу вам сказать. Что, когда вели... Почему называется «Дорога смерти»? Вы понимаете, что там были в основном, кто? Дети, старики, да? И они не выдерживали это пешего хода. Это была зима, декабрь месяц, а зима сорок первого года была очень холодной и очень снежной. И люди по дороге падали, и поэтому эту дорогу называют «Дорогой смерти». Начиная вот с нашей улицы, а школа вот тут, где мы с вами шли, прямо за..., или вот с той стороны можно пройти. Вот. Ну что там, в школе сейчас ничего не увидишь, все закрыто и все.

СН: А вот Вы говорили, что в гетто собирали людей... полезных.

ГИ: (нрзб.)

СН: Ну они как их вычисляли, грубо говоря, как они их узнавали?

СА: Как они узнавали, кто полезен?

ГИ: А кто говорит? Кто об этом говорил?

СН: То есть кто-то рассказывал об этом?

ГИ: Да, у меня есть записанные воспоминания этих, узников. Записанные, они записаны, потому что я собирала для своей статьи. Вот. Я записывала, я выписывала с книги, есть очень интересная книга, изданная в Москве. Вот. Об этих, о..., там уже и Белоруссия и Украина, и все.

СА: Ну, понятно.

ГИ: Вот, мне достали эту книгу, я в нее вписываю в тульчинцев.

СА: А вот...можно перебить Вас, расскажите о своей семье?

СН: Возвращаясь к личной истории, так называемой.

СА: К личной истории, да... А вот, а про Ваших родителей?

ГИ: Ну что мои родители?

СА: Чем, чем они занимались?

СН: Чем они занимались, да... Вот Вы говорите, что Вы из Саратова...

ГИ: Нет, в Саратове я не знаю, чем они занимались. Потому что я приехала на Украину, мне было три года. Так что в Саратове, я уж, конечно, ничего не помню.

СА: А чем Ваши родители занимались на Украине?

ГИ: Папа был, папа работал в какой-то там овощной конторе... Папа мой прошел с конницей Буденного.

СА: А, ага.

ГИ: Да, еще хочешь чаю?

СА: Нет, пока, пока у меня есть еще. Ага.

ГИ: У нас это не проблема.

СА: Да.

ГИ: Сладкое можно кушать, пожалуйста. А мама работала, мама работала... Значит... Дело в том, что мои родители начали работать не так как мы начинаем работать, а мои родители начали работать в совсем маленьком возрасте. В тринадцать-пятнадцать лет папа работал там у какого-то пана на заводе, а мама работала еще где-то там. Я даже не знаю, где она работала. Вот, так что я это...

У них у всех были большие семьи, раньше у евреев: пятнадцать-двенадцать детей.

СН: Ага, мама Ваша работала, да?

ГИ: А что ж делать – работала. Только после войны она уже.

СН: А их родители, дедушки-бабушки, - они откуда?

ГИ: Они из Винницкой области, поэтому они сюда вернулись.

СН: А, понятно.

СА: А они кем были?

ГИ: Я не знаю.

СН: Ну то есть Вы их совсем не знаете?

ГИ: Нет, понимаешь шо, когда я уже что-то стала соображать, дедушка с бабушкой уже были старенькими. У нас у мамы погиб... Значит дедушка с ба..., мама, папа, потом... они жили потом они уже жили не в Винницкой области. Это уже Гайворон, они уже жили в Гайвороне. А теперь Гайворон..., а потом он был Одесской области, а теперь он Кировоградской области. Значит, там погиб, значит, только в Кировограде, погиб дедушка с

бабушкой. Дедушка..., значит, раньше в селах, вы не знаете, вы – городские, раньше был..., в селах был человек, которому все прихо..., все доверяли все и приходили к нему советоваться.

СА: М-м...

ГИ: И дедушка у нас был очень умный, и к нему ходило все село... И когда началась война... Я тоже улыбалась (к СА).

СА: Нет, ну просто вот...

ГИ: Да. И он, значит, сказал, что как же, в восемнадцатом году были немцы, они были очень интеллигентные люди. А у него, как железная дорога, у него выкопали, значит, яму, и эти железнодорожники отъезжали, они у него прятали свои вещи. Вот. Подсмотрел сосед, который рос с его детьми, и он убил их. Пока еще немцев не было, он их убил. Убил дедушку, бабушку, а там жила, значит..., жил еще сын. Не сын, а вдова сына.

СН: Угу.

ГИ: Нет, сын жил с дочкой, сын, жена и двое детей. Значит, э-э... они... там...это был такой большой двор, и там много жило людей. Они эвакуировались с подводами. Доехали до Кировограда. В Кировограде немцы высадили десант, а в Кировограде жил самый старший дядя мой – мамин брат. Э-э...значит, его забра..., его, жену и дочку забрали десантника... э-э... заложниками, а эти все удрали обратно и вернулись. То они приехали, значит, там в лесок какой-то, а тетя, значит, жена па... маминого брата с сыном пошла в село посмотреть, как старики. И ее тоже, ее убили... и убили э-э...значит, сына ее. А дочка осталась с соседями. Так вот, если считать из моей... из маминой семьи, значит, у меня дедушка, бабушка, тетя, братик – это только в Гайвороне; в Кировограде три человека...

СА: Угу.

СН: Угу.

ГИ: ...В Одессе... В Одессе жила мамина сестра, у нее было две дочки и муж ее, мужа забрали в армию... И жила..., жил мамин брат с женой и сыном. Значит, жена, сын, тетя с двумя дочками...Воинская часть, где муж..., а у него было четыре сестры, и все эти четыре сестры, каждой было по куче детей. Значит, старшие были на фронте...

СН: Ага, угу, понятно.

СА: Угу.

ГИ: ... а эта остальная куча была с ними на этом теплоходе. Теплоход «Ленин» наскочил на мину, и... погибли почти все. Тетя осталась жива, тетя осталась жива. Дочк..., две дочки...в общем все, все эти. Я не знаю даже сколько их человек погибло. Со стороны-то ее мужа.

СА: Ага.

ГИ: Значит, муж ее, двое детей. Это уже на сколько насчитали? Здесь четыре, семь, десять... Э..., этот... дядя остался в Одессе, в катакомбах его оставили в партизанском...

СН: Угу, да.

ГИ: ...в партизанском оставили. Вот. И когда в одном конце Одессы были уже наши, его послали на разведку, и он решил, шо раз уже наши здесь

– он может пройти мимо своего дома. И его соседка выдала, на ходу его застрелили.

СН: Угу.

СА: Угу.

ГИ: Вот. Я вам не всех сказала еще сейчас. Вот. У меня в эту войну... ну, три на фронте еще, погибло двадцать два человека.

СН: А вот ваш дедушка, который, Вы говорили, жил в селе, и который, к которому люди приходили советоваться и которого убили вот из-за этих вещей, да...?

ГИ: Да.

СН: А как его звали?

ГИ: ...Его звали, э-э... уф-ф..., Моисей Давидович.

СН: Моисей Давидович, ага. А он религиозный был человек?

ГИ: Да.

СН: Да?

ГИ: Да.

СА: Ага. Очень, очень...?

ГИ: Он был очень религиозный человек. Очень религиозный человек. Но он был очень умный и был очень современный: он дружил в батюшкой, которого в тридцать седьмом году арестовали.

СА: Угу.

ГИ: Вот. У меня было впечатление, что все батюшки должны быть красивыми, и седые и с красивыми бородами.

СН: То есть это как то человек...

ГИ: Это детское воспоминание. Он был очень красив. Вот. Ну, я вам скажу, что в тридцать седьмом году в каждом доме стояли... были такие банные чемоданчики, в каждом доме стоял этот банный чемоданчик на каждого члена семьи, там лежало две пары белья, полотенце, кусок мыла.

СН: И в Вашей семье это тоже было?

ГИ: Это везде было! Это не..., не касалось вашим, не вашим, кто бы он ни был! Это может быть... Я не знаю это в селах, но в городах я знаю, что во всех в..., во всех квартирах стояли это самое такое... Вот я вам все сказала.

СН: А вот Вы помните, как дедушка Ваш праздновал Субботу, может быть? Или, я не знаю, какие-то воспоминания, связанные...

ГИ: Э, Суббота празднуется в пятницу вечером.

СН: Да, это встреча Субботы.

СА: Да, ага.

ГИ: Встреча Субботы...? Э-э... У меня осталось очень мало воспоминаний.

СН: А что Вы помните из этого?

ГИ: Ну, что я помню?! Э-э..., значит, в пятницу утром..., в четверг вечером бабушка ставила хлеб.

СА: Угу.

ГИ: Хлеб, значит, ставился на... На Субботу халу пекли, белый был хлеб, а на... на все остальные пекли ржаной хлеб. Такого хлеба сейчас нету,

этот нельзя кушать. Это..., у вас еще иногда бывает, когда-то был ржаной хлеб, кругленький такой. Ки..., его называли как я забыла, так тот хлеб еще можно было кушать. А вообще я не люблю белого хлеба, поэтому...

Вот. И, значит, в субботу, в пятницу она пекла хлеб, там чего там, пирожки или чего там пекла, я уже не помню, конечно, это уже столько лет прошло. Вот. В субботу вечером дедушка молился. Он одевал талэс...

СА: Угу.

СН: Ага.

ГИ: Знаете, что такое?

СН: Да-да, да.

ГИ: Одевал вот эти самые, как это называется, забыла, ... Вот. И молился. Потом, все садились за стол.

(Встает из-за стола, показывает современный набор для празднования Субботы)

Мне в Киеве подарили вот такой набор субботний.

СН: Ага.

ГИ: У меня сосед – вор. Он меня обкрадывает, и он мне порвал *(показывает порванную упаковку субботнего набора)*, он решил, шо эт, наверное, серебро. Тут серебра не стояло и не лежало.

СН: Ага, да. Да-да.

СА: Ага.

ГИ: *(Демонстрирует предметы из субботнего набора)* Значит ставилась вот такая чаша. У него была серебряная, конечно, чаша.

СН: У него была серебряная, да?

ГИ: Да, конечно. Тогда не было такого, извините за выражение, шо за такое... И значит, ставилась на стол чаша. Эта самая серебряная. И ставилось два подсвечника. Я не имею права за..., зажигать две свечи, потому что я вдова.

СА: А, вдовы не могут зажигать...

ГИ: А?

СА: Вдовы не могут зажигать?

ГИ: Могут. Одну.

СА: Одну.

СН: Одну, да.

ГИ: А если полная семья, значит две..., две сикес читается, э-э...

СН: Это Ваша бабушка зажигала, да, наверное?

ГИ: А?

СН: Ваша бабушка зажигала?

ГИ: Да, конечно. А шо ж, нас что ли пустят зажигать? Мы там наводим, наведем порядок.

СН: Ну, конечно.

ГИ: Да. Вот. А... эта салфетка для того, чтобы накрыть хлеб.

СА: Хлеб накрывали вот э...?

ГИ: Накрывали хлеб. ... Дело в том, что э-э... уважение к хлебу особенно принято у евреев. Вы знаете, м-м... вот это все вопросы гигиены, вопросы

того, что вот у нас э-э... холера была... Я это самое... Всякие кишечные инфекции, которые косили народ, среди еврейского населения его было..., его было мало. Только случайно. Почему? Обычай мыть руки!

СН: То есть омовение рук постоянно?

ГИ: Обычай омовения рук... Это..., это на юге все, и арабы и все.

СА: Угу.

ГИ: Ну, по одному, здесь вот я читала, что арабы – это одно из колен еврейских. Но они... Да. Я тебя породил..., ты меня породил – я тебя и убью.

СА: Угу.

ГИ: (*Показывает набор*) Ну, это ... вот эти вот, да. Но это я не открывала, а он мне разрезал.

СН: Понятно. Ну, он взял что-то или только..., или не успел?

ГИ: Он повернул..., он повернулся, он искал серебро....

СА: А, понятно.

ГИ: Значит, хлеб накрывается салфеткой, потому что вы пьете вино, чтобы не оказать неуважение к хлебу – хлеб накрывается салфеткой.

СА: Ага. Понятно.

СН: Угу, понятно.

ГИ: Вот вам один из ритуалов.

СН: А дедушка молился, он говорил какие-то молитвы в это время, да?

ГИ: Ну, да, он э..., промолился. Потом он... молитва на хлеб, молитва на вино, потом молитва на хлеб и еще там, четыре молитвы. Четыре бокала вина пьется.

СА: А, ага, четыре бокала пьется, да? Ага.

ГИ: Да, четыре бокала вина.

СН: А всем давали вино, за столом кто сидел, да? Вот Вы...

ГИ: Ну, детям давали...

СА: Детям давали?

ГИ:... (*пауза*) воду и капали туда.

СА: То есть детям тоже..., тоже давали немножко вина?

ГИ: Ну, что там. Называется, что ви..., вино пили. Ну, что оно?

СН: Ага.

ГИ: Конечно, это ж не было вино такой крепости. Это ж было домашнее, виноградное.

СА: Ну, конечно, да.

СН: А сами делали, да?

ГИ: Сами, а кто ж его делал?

СН: А из чего?

ГИ: Из винограда.

СА: Из винограда?

СН: Из винограда, да?

ГИ: Домашнее виноградное вино.

СН: А как-то оно специально называлось или нет?

ГИ: (*пауза*) Эти вопросы – я вам не ... (нрзб.) Ну и, значит, вся семья садилась. Суббота считалась праздничная..., значит, встреча Субботу

считалась праздничным днем. Двери обязательно были открыты. Кто проходил – мог войти и сесть за стол.

СН: А открывают двери для того, чтобы люди, которые проходят, могли как-то поучаствовать, да?

ГИ: Да. Странник какой-то, вот он зашел, никого у него нет, он пришел поел. Это один из обычаев евреев.

СН: А к Вам вот так заходили?

ГИ: Может быть и заходили, но, понимаешь я у... Посчитай, война кончилась шест лет, пять лет, еще, еще четыре года – шест лет четыре года. Ну, у бабушки я не была так это лет еще пять до этого – я боюсь сказать, что там было. Да. Вот. Значит, это я просто рассказываю вам обычаи.

СН: Да. Да-да-да.

СА: Ага, да.

ГИ: Вот. Я не знаю, показывать ли вам это. Я не хочу открывать, а то он заберет.

СА: Нет-нет, не открывайте.

СН: Не открывайте, мы видели подобные вещи, да.

ГИ: А, это мне подарили в Киеве.

СА: Двери не закрывали, а вот можно было выходить из дома вам, вот тем, кто в доме находился?

ГИ: А почему ж нельзя?

СА: То есть можно было.

ГИ: А в туалет, девочки, что вы? В штанишки?

СН: Ну, мало ли. Вдруг это было, не очень хорошо считалось.

ГИ: Нет. Во время ужина никто никуда не выходил. Никаких гуляний... Накрывался стол, подавалось все, что нужно и э-э... еще какой обычай был, когда, значит, люди складывались, людям бедным, давали деньги, чтоб он мог справ..., отпраздновать Субботу.

СА: Ага.

СН: А, понятно.

ГИ: Это обязательно. Меценатство было развито очень сильно. Вот. Э-э... я знаю, что здесь в Тульчине был район, назывался Капцановка.

СА: А, Капцановка, да? Ага.

ГИ: Капцановка.

СН: А правильно говорить «Капцановка», да?

ГИ: Капцановка, да. Капцан – бедный.

<СН: А «капцан» - это...>

СА: А-а, бедный.

ГИ: Бедный. Если... Понимаете, Капцановка, в Капцановке жили люди, которые по каким-то э-э..., по каким-то э-э... не имели возможности, бедные были лю..., не зарабатывали..., не знаю...

СН: Угу, угу, угу. Ну, да.

ГИ: Не могу сказать, я не в курсе дела. Я могу сказать только то, что я знаю. Вот.

СА: Угу.

ГИ: И жителям Капцановки на все праздники, на Субботу обязательно тогда помогали. Если была... бедная девушка выходила замуж, то ей собирали на приданое.

СА: Угу.

СН: Вы вот это вот помните, да, как кому-то собирали? Или...

ГИ: А как я могу помнить?

СН: ... это может быть рассказывали?

ГИ: Это я знаю и по рассказам...

СА: А, ну вот Вам рассказывали.

ГИ: ... я знаю и по литературе, и по всему. Вот. Но я это откуда могу знать? До войны я замуж не выходила.

СА: Нет, может быть Вы видели.

ГИ: Вот. Я ничего не видела. Я не могу знать.

СН: Да.

ГИ: Поэтому я рассказываю то, что я знаю из всего, где я была, где я видела. Вот. Но... Так что в этом отношении среди евреев, среди евреев это было очень хорошо. Поддержка была очень большая. Значит, какой бы ты не был жадный богач, если у тебя на Субботу или на праздник никто не придет к тебе покушать, то-о... это, очень... это очень потом мешало и в торговле и во всем. Понимаете?

СА: Ага.

ГИ: Потому это очень все интересно. Что вас еще интересует.

СА: А вот скажите пожалуйста, вот Вы сказали там богач, там бедный... А вот у евреев, ну вот там, у русских, у украинцев там все понятно: у них там какие-то сословия свои, там все это закреплено, а у евреев были вот какие-то такие разделения?

ГИ: Да. Да. Да. Э-э... были разделения. Ну, у вас же есть, у вас же есть эти самые... Была синагога, например, этих самых... коваль..., как они называются, кузнецов. Синагога торго., торговцев, синагога этих э-э..., столяров...

СА: А, то есть по профессиональным признакам?

ГИ: По профессиональным. У всех были синагоги... Были э-э... (смотрит в книгу «Сто еврейских местечек») Надо посмотреть, там по моему это самое, если можно достать, я бы с удовольствием...

СН: Мы спросим, можно ли... Может быть можно прислать, если остались?

СА: Мы спросим. Если остались, да, то мы...

СН: Мы обязательно спросим. А вот семья Вашего деда – это были в общем состоятельные люди или не...

ГИ: Нет.

СН: Нет?

ГИ: Нет. Они были э-э... это самое...

СН: А бабушка работала?

ГИ: Бабушка не работала. У евреев жены не работали по тем временам.

СН: Бабушка не работала, ага.

ГИ: До войны, до войны женщины мало работали.

СН: Да. Да.

ГИ: И в русских семьях, и в украинских, и везде.

СН: Да, да.

ГИ: Везде водили много детей, и мамам было, что делать.

СН: Да. А дед, он занимался чем?

ГИ: Он же после войны, после... Заговорила, после войны его не было.

Дедушка был резником.

СН: Резником - это как?

ГИ: Вы знаете, что. У евреев... Вы знаете, что такое кошер?

СА: Да, конечно.

СН: Да.

ГИ: Вот кошерные, кошерные, он резал птицу.

СА: А-а, ага!

СН: Да.

ГИ: Кошерные, значит, это было с птицы. Там я не знаю, как это, как это, шо-то это значит, я не могу сказать, потому что я с ним там не стояла, не ходила. Но к нему все село шло, я знаю. Это не село, это пос..., там местечко.

СН: Местечко, а какое?

СА: А как оно называлось?

ГИ: Гайворон.

СА: А-а.

СН: А у него сколько было детей?

ГИ: У него было двенадцать.

СН: Двенадцать!

ГИ: А девять, значит, трое из них погибло, девять выросло, и перед войной у него умер один сын. Значит, в войну у него погибло сколько? Два, два сына, сейчас я посчитаю... У него, значит, одна дочка умерла, одна дочка умерла давно... до войны. Потом у него перед войной умер, умер сын – два. Осталось семь. Так. Один сын был на фронте. Это из самых молодых, а те же уже были старые.

СН: Да, конечно.

ГИ: Вот. Так у него два сына погибло не фро..., значит, в тылу, семьи их... У третьего сына семья погибла, он был на фронте. Когда он узнал, что дочка осталась одна. Уже кончилась война, он был в Германии, он же разыскивал ее. Ему сообщили, что дочка есть, и он солдат был, его отпустили. Тогда уже война кончилась, его отпустили, и он приехал к дочке.

СН: Угу. А дочери были вот у деда? Собственно, сестры Вашего отца получается?

ГИ: Это матери.

СН: А, это матери, ага. Значит... Значит, получается у матери было двенадцать братьев и сестер там, да? Или это только братья были?

ГИ: У нее осталось, у нее осталось в живых, значит, э-э... девять, двое до войны умели, а семь человек осталось после войны. Семь, не семь человек, значит двое погибли.

СН: А как звали Вашу маму?
ГИ: Анна Моисеевна.
СН: Анна Моисеевна. А вот, а Вы не знаете, почему ее так назвали – Анна? Так звали еще кого-то в роду или...?
ГИ: Это я не знаю. Подробности я не знаю. Я знаю, что...
СН: А бабушку?
ГИ: Бабушка – Елизавета Самсоновна была. Это самое..., а по ком она названа я не знаю?
СН: А есть в принципе, да, такое, что по кому-то называют?
ГИ: У евреев есть такой принцип: называют... Вот у русских, у украинцев можно назвать Иван Иванович.
СН: Ага.
СА: Угу.
ГИ: А у евреев если Вы слышите Иван Иванович, это значит, что отец умер, и он назван по отцу.
СА: Угу, а-а, понятно.
СН: ТО есть отец умер тогда, когда вот этот ребенок родился.
ГИ: Тогда, когда ребенок должен был родиться. Вот. Потому что так, по живому не называли, называли... это продление рода...
СН: Угу.
СА: А-а, ага. Понятно. Да.
СН: Да, да, да.
ГИ: Это очень просто – продление рода. Я не знаю, что он там, что это у них там... Понимаете, в каждой..., в каждой..., в каждом веке, в каждой этом самом...
Что ты смотришь? На меня? Да, это тоже я. *(Спрашивает СА, которая смотрит на фотографию на столе)*
СА: Просто очень, очень красивая фотография.
ГИ: Непохожа.
СА: Нет, похожа.
ГИ: Меня спрашивают: «А кто це?»
СН: Нет, сразу видно.
СА: Сразу видно.
ГИ: Так что, вот только называют так.
СН: А вот семья Вашего папы – они откуда были?
ГИ: Тоже из Винницкой области.
СА: Тоже из Винницкой?
<СН: Тоже из Винницкой?>
ГИ: Да.
СН: А, да, Вы говорили, что поэтому они сюда приехали...
ГИ: Они сюда приехали. Папа мой из Гайси... Собственно, родители мои... мама из Гайсина, мама родом из Гайсина, а папа... в Гайсинском районе было такое село Вахровка. А мой муж – тоже из Гайсинского района.
СА: Ага, ага.
ГИ: Это случайное совпадение.

СН: А мама с папой Ваши... Как они женились, вот как они..., не рассказывали?

ГИ: Не знаю.

СА: Не рассказывали?

СН: А родители их были до этого знакомы – то есть мамы и папы в смысле?

ГИ: Откуда я знаю?

СА: То есть не знаете?

ГИ: Вы знаете шо, в те годы э-э... никто этим не занимался. Понимаете, шо вы живете совершенно в другой... в другом пространстве.

СН: Угу.

ГИ: Я вам сейчас скажу те вещи, что я помню.

СА: Да.

СН: Да. Конечно.

ГИ: Я приехала на Украину, а конечно я акала и окала, акала, как у нас в Саратове.

СН: Да.

ГИ: Вот. Я научилась разговаривать здесь вот этим языком. Я ничего не знала. Ну, а потом, значит, я помню... Что я помню? Мы жили, значит, не в одной квартире, и меня дети страшно, страшно, значит, обзывались... то, что я не так говорю, как они. Они по-украински, а я...

СН: А Вы по-русски.

ГИ: Да, а я по-ру... По-русски... *(с иронией)*

СН: Ну, понятно, Вы по-другому.

СА: По-другому, да...

ГИ: Да. Вот. А потом, значит, ну я там..., на другой квартире жили мы, значит, в семь лет в школу пошла, значит, ну, это не важно... Теперь значит, что я еще помню. Что вам еще, еще интересует?

СА: А вот в субботу, например, вот у Вас были...?

ГИ: Не-не-не, у нас это, это дома, у нас это ничего.

СН: Дома ничего не было?

[СА: Дома ничего не было, да?]

ГИ: Дома, это нигде я не видела. В городе, в городе, может быть где-то еще у вас в Питере... Я вам скажу – Питер более патриархальный.

СА: Угу.

ГИ: Питер пострадал во время войны. Питер более патриархальный. Ведь раньше, вы же знаете, что евреям запрещалось жить в Питере.

СА: Да.

СН: Угу.

ГИ: Только особо выдающимся личностям.

СА: Да.

ГИ: Вот. В Питере, в Москве, особенно в Питере. И то... те люди, которые поселились после революции в Питере, - они соблюдали, они же поселились. Собственно, выезжали из местечек. А в местечках соблюдали все эти самые. А города – извините, ничего не знали. Так что, если в городах где-

то шо-то сохранилось, в Питере, в Москве, в Киеве, - то это те, кто вышли из... из района. А мы уехали, уехали в детстве. Мама, мама моя, там (сколько ей было?) пятнадцать или сколько в Одессу поехала где-то работать на каком-то фабрике или что. Папа тоже. Они, собственно, они уже не были в семье. Понимаете, раз люди не живут в семье – они уже теряют эти все. Вы знаете.

СН: Да, конечно.

СА: А вот, может быть, Вы помните дом деда. Дед как-то у Вас такой вот...

ГИ: Помню.

СА: Помните? А вот Вы помните обстановку? Какая была там мебель, как, ну, вот как она стояла?

ГИ: Какая там мебель была? (*возмущенно*). Значит, это был такой, знаете, крестьянский дом на две половины.

СА: Угу, ага.

ГИ: Под соломой.

СА: Под соломой, да?

ГИ: Да.

СА: Ага.

ГИ: Вот. По-моему, после... перед войной (*задумчиво*). Нет, под соломой. Вот. Значит, заходите – кухонька, маленькие окошечки... Сейчас таких хат даже нельзя вам показать. Если вы проедете все села, то это, может быть, где-то какое-то в каком-то селе найдете такое что-нибудь... Но такой хаты вы сейчас не посмотрите. Ну что? Большая печь русская в кухне. Там все готовилось, там все пеклось. Вот. Э-э. Там эти деревянные лавки. Вот. На одной лавки бабушка выстилала полотенце, туда она складывала эти хлеба. Причем мы заходили... Нам вешали, нам вешали, когда съезжалась публика к бабушке с дедушкой, так нам вешали вот этот... умывальник такой, знаете, сосок туда-сюда... (*показывает*).

СН: А, да-да.

СА: Ага.

ГИ: ... на улице, чтоб мы..., и ложилось мыло, чтоб мы мыли руки, потому что руки грязные... Ну как же детям?

СА: Да.

[СН: Да, ну конечно]

ГИ: Шо я вам объясняю? Вы сами давно из этого возраста вышли. (*с иронией*). Вот. А потом, значит, стелилось отдельное полотенце и накрывалось. Белое. (нрзб.)

Потом у них было две комнатки маленькие: столовая и спальня. Ну, такая деревянная кровать в спальне. Потом шкаф? Или там был шкаф? По-моему, был шкаф. Не помню. А тут стоял стол, в комнате, стулья... Лавки! Мы спали на этих лавках!

СА: Ага.

СН: А праздновал дед праздники какие-то, вот, религиозные, Вы ведь...? По Вашим воспоминаниям...

ГИ: Религиозных праздников... религиозных праздников – нет.
СА: А Пасху не праздновал он?
ГИ: Боже упаси! До войны, до войны...
СА: Да, до войны.
ГИ: ... в Киеве продавалась маца.
СА: А-а.
ГИ: Но это была просто маца! Понятно?
СН: Да.
ГИ: ...э-э... мы..., папа ездил. Папа мой часто в командировках был – привозил. Ну, мама пекла всякие эти... с мацы. Я могу вам, между прочим, тоже спечь, у меня есть маца.
СН: Да?
СА: Да?
ГИ: Хотите?
СН: Да, мы были бы очень рады.
ГИ: Да?
СА: Да, очень...
ГИ: Сейчас, девочки, две минутки и все готово.
СА: Сейчас?
ГИ: Да.
СН: Ну, в общем, да. Спасибо большое.
СА: Спасибо.

(Разговор продолжается на кухне. ГИ объясняет, как готовить «бабку»)

ГИ: Это так возьму. Я уже поставила.
СА: Поставить в духовку, да? Это вот так открывается?
ГИ: Да. Ко мне. Ко мне *(открывает дверцу духовки)*.
СА: А вот это масло, да, подсолнечное?
ГИ: Да, а вот еще. Евреи делают еще со шкварочками, гусиными шкварочками. Но так как мои гуси пока еще не выросли... Я даже в глаза не видела гусей, так только на базаре.
СН: А мы только видели вчера. Правда, в одном месте только.
ГИ: Да? Я вообще на базар почти не хожу. Мимо только.
СА: А вот это блюдо когда готовили? В любое время могли готовить?
ГИ: Да, но дело в том, что это из мацы.
СН: Ну, маца...
СА: На Пасху только, да?
СН: Ну, если оставалась маца, то потом, в течение какого-то времени еще можно было готовить...
ГИ: Можно. Пожалуйста, да. Из мацы, из мацы... множество... Я знаю, что в Москве готовят такие специальные... Муку делают.... Из нее блинчики делают и пироги. Из этого коржи.
(ГИ размочила мацу, налила воду в мацу, разломанную на кусочки.)

СН: Это она как мука?
ГИ: Как мука. Она уж размокла.
СА: А что-нибудь еще такое на Пасху делали вот, кроме блюд из мацы?
ГИ: Девочки, я сейчас вам подарю что-то.
(уходит и приносит памятку о том, как готовиться к седеру).
СА: Спасибо. Какой-то праздник просто сегодня!
СН: Суббота! *(смех)*
ГИ: Где вы остановились?
СН: Мы, в гостинице «Подолянка».
СА: В гостинице.
ГИ: А там шо можно где-то жить?
СН: Там - да.
СА: Да, они там отремонтировали.
СН: Они там делают ремонт параллельно.
ГИ: Наконец-то. Я столько скандалила, чтобы они отремонтировали эту «Подолянку».
(ГИ сливает воду из мацы и отжимает получившуюся кашницу)
СА: Да, и водичку потом слить, да?
ГИ: Да, и отжать, отжать.

Сторона А (2)

(ГИ показывает памятку о праздновании седера. Говорит про блюда для праздничного ужина.)

ГИ: Это вам говорили?
СА: Да.
СН: Да, да-да.
ГИ: А здесь вот все, как они называются, и как их готовить.
СА: Угу.
ГИ: Обязательно нужно рыбу. С головой.
СА: С головой? А почему?
ГИ: Почему?
СН: Да.
ГИ: А почему вам это не сказали?
СН: Не знаем.
СА: Нам как-то... Я про рыбу даже не помню, вот про овощи помню.
ГИ: Рыба. С головой. Обязательно, чтобы мы никогда не были в хвосте.
СН: А, как красиво.
СА: Да, ага. Красиво.
ГИ: Понятно?
СА: Ага.
ГИ: Вот.
СА: А вот не рассказывали, почему мацу пекут на Пасху?
ГИ: Не рассказывали? Вам не рассказывали?
СН: Нет, ну, вот нам говорили, что...

ГИ: Это, когда исходили, выходили из Египта. Вы же знаете, что царь не хотел отпускать, выпускать. И Бог наслал десять кар египетских. А когда он сказал, что десятая кара, то стал выпускать, этот царь, то они поспешно уходили, оставив все. И забрали с собой только замешенную муку с содой. И вот эти лепешки они пекли на солнце на камнях. Понимаете?

СА: Да, ага.

ГИ: В честь этого печется маца!

СА: Угу.

ГИ: Для того, чтоб приготовить мацу, чтоб она была кошерная, все от замеса, до того как маца спечется должно пройти семнадцать минут. Если больше, то она не кошерная. Потому что она подошла.

(ГИ вынимает из духовки «бабку».)

ГИ: Я забыла вынуть, я смотрела на вас, а не туда. Что еще, какие вопросы, девочки? Вы задавайте – я буду отвечать.

СА: А вот Вы не слышали, Вы не знаете, может быть еще какие-то праздники отмечали. Ну, вот дед Ваш?

ГИ: Очень много.

СА: Много, да?

ГИ: Много праздников.

СН: Ну вот, а то, что именно по Вашим воспоминаниям? Или практически нет?

ГИ: А у меня нет. У меня практически нет. У меня дома, у меня дома... мама пекла мацу и всякие эти самые

СН: Мама пекла сама?

ГИ: Мацу нет.

СН: Нет?

ГИ: Нет. Из мацы на еврейскую Пасху. НА русскую она пекла «бабы» эти вот и делала творожную пасху, потому что у нас был интернационал в семье. Понимаете?

СА: Угу.

ГИ: Так как вот приходят ко мне. Я тут... Потом она пекла на польскую Пасху польские всякие эти... печенья.

СН: А, понятно.

ГИ: У нас... У нас у мамы такой колхоз, и так же как у меня.

СН: И принято было угощать?

ГИ: Принято. А у евреев, девочки, человек приходит к тебе в дом – ты должен его накормить, а потом спросить. Это не только у евреев, не только у евреев, но и у неевреев тоже. Обязательно. Иначе никогда не начинайте разговор, обязательно поставить хотя бы чайник... Вот у меня нечем угощать...

СА: Ну как это?!

ГИ: ...но я поставила чайник, потому что не положено говорить с человеком о делах, и даже не предложить ему покушать. Я ж не знаю, где вы ходили. Вы устали. Может, вы хотите пить, а может вы хотите кушать?! Я поставила чай.

СА: Да, спасибо. А вот у вас в доме говорили на русском всегда?
ГИ: Да.
СА: А вот в доме деда тоже на русском говорили?
ГИ: На русском.
СА: На русском, да.
ГИ: На украинском.
СА: На украинском, да.
СН: А вот он знал иврит, он ведь читал...
ГИ: Конечно.
СН: Знал?
ГИ: Конечно. Прекрасно. Он прекрасно знал иврит. Он был очень образованный человек. Для своего времени.
СН: Угу. А он учился, да?
ГИ: Он учился, конечно.
СН: А как вот, как он учился. Он в хедере учился?
ГИ: Как? А как, шо тогда было, хедер был, и там повыше было.
СН: Угу.
ГИ: Там были, раньше учили читать вот эти школы, раньше. А потом хедер, потом, как это называлось, повыше то что. Забыла. Надо посмотреть, у меня записано. Пожалуйста.
СН: А вот когда Вы были маленькая, Вы помните, может быть, всякие там народные поверья, связанные с детьми, чтобы уберечь их там от всяких плохих вещей...
СА: ...от сглаза, там да...
ГИ: Этого я не знаю.
СА: И мама вот ничего там... и дед не говорил маме, или бабушка там, что...
ГИ: Знаете шо, когда собирался «колхоз», он только тогда с нами разговаривал. Тихо житя! А там собралось там, человек пять-шесть внуков... Да еще во дворе четверо жило! Некогда им было с нами разговаривать.
СА: А вот на руку Вам красную ниточку в детстве не привязывали?
ГИ: Нет.
СА: Нет?
ГИ: Нет. Это я только здесь увидела, и то последнее время.
СН: А, в последнее время?
ГИ: Да. Красная ниточка, и эти ниточки все у украинцев евреи взяли.
СА: А у украинцев?
СН: Их украинцы завязывали?
ГИ: Да.
СА: А вот... Вы жили в Виннице, там синагоги были или уже тоже...?
ГИ: Нет. Нет.
СА: Не было, да?
ГИ: Нет. Был..., э-э..., когда я была маленькая, у нас была еврейская школа, немецкая школа, польская школа, а потом Папа все школы закрыл, и началась то украинизация, то русификация. В общем, такой здесь как

маятник был. Вот. А всех этих национальных школ не было, и всех уничтожили. Причем старались всех писать украинцами.

СА: А, всех стали писать украинцами. Понятно.

ГИ: Да.

СА: А вот у Вас была? Вы в какой школе учились, не в еврейской?

ГИ: Нет. Не было уже еврейской.

СА: Угу. А Вы учились в украинской, в русской?

ГИ: Я и в той и в той училась.

СА: А, все-таки были русские школы?

ГИ: Да, конечно. Вот это была то украинизация, то русификация...

СН: Как же Вы успевали?

ГИ: Нас то в русскую, то в украинскую нас качало. А тем более, шо это как раз началась вот эта... чистка населения. Вот. Она, она началась не в тридцать седьмом году, а она началась гораздо раньше.

СА: Да, ага.

ГИ: А в тридцать седьмом году это был пик! Тридцать седьмой, тридцать восьмой год это пик был, потом уже спад был. После войны, спад был, после войны начали брать только евреев, а до войны брали всех подряд, независимо от национальности. Какой-то там был хозяин, у него была эта лошадка, а сосед захотел эту лошадку – все, и его посадили.

СА: Угу.

ГИ: Такой был, тридцать седьмой год... *(неожиданно обращается к СН)*
Не морщи лоб, а то морщины будут. Зачем ты морщишь лоб?

СН: Не знаю, это привычка.

ГИ: Зачем. Некрасиво, молодая девочка и с морщинами.

(смеется)

Так что, так... Началось это еще, когда началась чистка Партии, двадцать восьмой год, двадцать девятый... тридцатый тоже, тридцать третий год. Вот. Э-э... так что это...

СА: А вот отсюда много в Израиль уехало людей?

ГИ: Да.

СА: Да?

СН: С какого времени примерно?

ГИ: В Германию, в Израиль... Ну, вот сколько, я уж не помню, сколько это уже...

СН: Ну вот сейчас 2005-ый...

ГИ: Нет, сейчас 2005-ый – это я...

СН: Ну вот с девяностого уезжают?

ГИ: Ну, почти что двадцать лет уже...

СН: А, да...

СА: Да, ну в общем довольно рано. И как вот в Израиле, говорят, хорошо или...? Ну, нравится там?

ГИ: Я была, я была в Израиле месяц.

СА: Угу.

ГИ: Вот. В девяносто пятом году. Еще тогда там тихо было.

СА: Угу, там как раз перемирие было...

ГИ: Да. Я была в Израиле. Это очень красивая страна. Очень красивая. Вы знаете, э-э... там они...

(отвлекается для того, чтобы проверить, готова ли «бабка»)

Вы понимаете что, это страна очень красивая. Страна, которая не имеет своей земли, вся земля привозная. Страна песка, скал... Но как там каждая, каждая...каждая песчинка выделана, как все... чисто. Как все красиво. Мы ехали, ну, я так попала, что мы ездили по всем святым местам христианства. Знаешь что, если бы я знала... Но я ехала в таком состоянии и настроении, что я не... У меня не было фотоаппарата, и ничего... У меня и сейчас нет фотоаппарата... и я никуда не езжу...

(перекладывает продукты на столе)

И вы знаете что – я была потрясена. Я вам сейчас покажу израильский альбом, который я отправила в Москву детям. Альбом у меня здесь. Там все так возделано. Во-первых там, я не знаю, рассказывали ли вам? Там кибуцы. Колхозы.

СА: Да, ага.

СН: Да.

ГИ: И эти колхозы построены так, как хотел Ленин. Об этом никто не говорит. У нас, у нас этот кошмар. У нас председатель колхоза – главный помещик, а все остальные его рабы. Там, там на короткое время выбирается правление, и оно каждый раз меняется. Попасть в кибуц – это не так просто. Когда-то у нас очень трудно было попасть в институт, то сейчас там так в кибуце. Там спецотбор. Там надо работать. Там, значит, сельское хозяйство, там промышленность. Круглый год люди имеют где работать. Э-э..., там, значит, заходите к этим, коровам, и вы не заходите, шо вам надо одевать противогаз, особенно свинарник – там даже противогаз не спасет. Это – чисто, везде – доильные установки. Вот. Откорм скота. Теперь, значит. Ну это, птицеводство, это... садоводство – все там есть. Что нас поразило – мы едем и нам говорят: «Это банано..., банановая роща». Да. Ну, банановая роща. Шо такое банановая роща? Мы решили, шо как у нас. Здесь – ивините. Под каждой этой..., у них идет так гроздь бананов, да? Она когда зарождается, на нее одевают специальный пакет. Воздухопроницаемый. На яблоки, на виноград.

СА: Чтобы насекомые?

ГИ: Чтобы никто не залезал. Чтобы птицы не поклевали, и чтобы развивалось очень хорошо. Теперь у них есть, у них есть, это... Они гонят лимонную водку. И вот они делают лимонную водку. Они, значит, завязь.... Завязь ставят в бутылку, и она растет в этой бутылке. Потом они снимают, наливают водку, и лимон настаивают. Знаете, тут уже готовый лимон.

Вот мы ездили...

(вынимает «бабку» из духовки)

Мы ездили, занчит, начиная с Вифлеема, где родился...

СН: *(про «бабку»)* А вот это обязательно круглой Фомы должно быть или...?

ГИ: Как угодно. Да, лучше. Вообще-то в казанке лучше, потому что...
[пауза]

ГИ: ... А почему вы говорили о моем муже?

СН: А мы спрашивали, какие школы здесь были.

СА: Да, мы спросили, какие школы здесь были.

СН: ...национальные там, русские, и нам сказали, что русская, что украинская была, еврейская была до войны...

ГИ: Ага.

СН: ...и каждый раз, когда говорили про русскую школу, говорили что «а вот, директор русской школы был Могилевский». И дальше шел рассказ про...

ГИ: Про Могилевского.

СН: Да-да.

ГИ: Вы знаете, это такой. Его так любили, шо вся любовь перешла на меня.

СА: Ну вот нам потом все время говорили, что его уже нет, зато его жена...

СН: Да, Вы вообще занимаетесь такими важными делами и очень нужными...

СА: А вот скажите, Вы бы хотели жить в Израиле?

ГИ: Нет.

СА: Нет? А почему?

ГИ: Я не переношу климат. А у меня большое сердце. Мне туда не доехать. Вообще в моем возрасте нельзя менять климат. А во-вторых, здесь уже... Или вы хотите пойти в комнату *(предлагает вернуться в комнату, чтобы продолжить разговор. Но все решают остаться на кухне, чтобы дождаться, пока будет готова «бабка»:*

СН: Нет-нет...

СА: Или Вам тяжело стоять? Давайте мы тогда пойдем.

ГИ: Девочки, не надо. Я могу взять стул. Я слишком много сижу. Сижу я пишу. Теперь я уже не пишу, я не вижу читать. Мне носили с библиотеки книги все время, теперь уже чего-то... не носят, эта библиотекарьша.

Ну, что вам сказать? Я это, видишь ли, пользуюсь это самое... в лучах славы своего мужа я купаюсь.

СА: А вот Ваши дети - Вы хотели бы, чтобы они уехали в Израиль?

ГИ: Мои дети вполне самостоятельные, и что хотят – то и делают. Если вы хотите об одном дите, дите – то идите, я вам покажу.

[показывает в комнате фотографии и статьи о сыне]

СА: А где Ваш муж похоронен?

ГИ: На русском кладбище *(тихо)*.

СА: На русском? А где оно?

ГИ: Напротив больницы *(тихо)*.

СН: Это от гостиницы если, то тут прямо, да ведь?

СА: А у Вас есть еврейское кладбище отдельно?

ГИ: Да (*тихо*).

СА: Есть, да? А почему, а почему Вы его похоронили на русском?

ГИ: А я его не хоронила (*тихо*).

СА: А, Вы его не хоронили... А, а кто... Дети Ваши или...

ГИ: Нет. Школа (*тихо*).

СА: Школа? И решили на русском?

ГИ: Школы!!! (*кричит*)

СА: Школы?

ГИ: Я говорю: шко-лы.

СА: И решили на русском?

ГИ: Шо они решили – я не знаю.

СА: М-м...

СН: Простите, а это как-то даже...

ГИ: Понимаете шо, у него несколько лет подряд: микроинфаркт за микроинфарктом. Ну, наверное, знаете, шо я врач...

СН: Да, мы прочитали (*имея в виду, что прочитали в статье о ее сыне*).

ГИ: Да.

СН: Нам никто не рассказал, но мы прочитали.

ГИ: А я думала, шо это сказали. Первый диагноз поставила я. Тяжелобольные, кто из врачей им первый поставит диагноз – тому они верят. Есть такое. А тут еще жена, это тем более. Он болел. Но он работал. Он лежит, и опять работает. Лежит-лежит и опять работает. Недели три лежал, может быть две. Сердце, конечно, его ничего нельзя было сделать, оперировать тоже нельзя было. Ну, и он... когда умер, он лежал двое суток. Нет, он пять дней болел. Значит, пять дней. Да-да. Значит, девятого мая потом мы пошли, он выступал, было очень холодно. Он выступал перед народом. Разделся. Потому что, понятно... Воспитанный. Значит, ну и он простыл.

А тут приехали его какие-то... Я несколько раз этот потолок белила, он весь в пробках здесь от шампанского. Эти самые. Тот кончил школу, тот – институт. А он же со всеми занимался, всем помогал, поэтому они его так уважали. Ну, и он, значит... В общем, умер он, в это воскресенье, пятнадцатого мая восемьдесят восьмого года. Я позвонила, значит, этой самой, директорше, которая его, значит, сменила. И он... Пока мы там это самое, приехала уже за ним машина, уже все было заказано, все было сделано. Здесь уже стояли женщины, его уже в гробу привезли. Я... там были все... а его называли, все директора района его называли «батька». Они в район шли за... инструкциями, а все остальное они шли к «Папе» своему. И они его тогда... Они его хоронили. С меня ничего не взяли. Я вообще была...

Потому что я говорила, шо он умирает, они говорили мне, шо я ненормальная.

Вот. Так шо вот, мне нечего. И он, значит, когда умер, они подготовили место, они его хоронили. Они отвезли его в дом культуры, потому шо съехался весь район. Таких похорон у нас не было, как это были похороны. Знаете шо, таких у нас просто не было. У нас бывали такие шо, кто-то из

начальства умрет, там свозят там, каждое село должно представить там... А тут никто. Сказали, что он умер, и все ехали. Что ученики приезжали, что учителя приезжали, кто хотел...

СА: Да...

ГИ: Это было что-то страшное. Я, когда привезли меня домой, шоб его одеть, шоб дать егоодежду, я... Здесь полный коридор был людей. Весь дом был в цветах, в венках, вся школа была в цветах и в венках. Поэтому я не знаю, где его выбрали место, и когда его везли на кладбище, поставили возле могилы, да, чтобы прощаться, покапало несколько... Был солнечный день. Покапало несколько так дождь, знаете, как вот поплакал немножко. И сразу тучка эта ушла – запел соловей. Вы знаете, я живу здесь пятьдесят лет – я не слышала здесь соловья.

И до сих пор люди вспоминают... Это что-то страшное вообще.

СН: Да, угу.

ГИ: Поэтому где его хоронили – мне на второй день показали. Я не поняла.

СН: Ну, конечно. Да, это тяжело.

ГИ: А они хотели туда. А на еврейское кладбище добираться плохо. К нему едут все. Все. Его школы, не его школы. Вы знаете шо, кто приезжает в Тульчин – считает обязанным пойти к нему на кладбище.

СН: А... Да. То есть, а хотели на еврейском хоронить, да?

ГИ: Я не знаю - на каком хотели! Ничего не знаю.

СА: А Вы как-то это не решали сами, да...

ГИ: Какой я решала, я сидела с ним в больнице! Вот. Он... э-э... сказал мне. Он сказал мне: «Ты знаешь, я тебе создал страшную жизнь». А накануне, в субботу была одна учительница у них, у одной учительницы был день рождения. Ему натаскали там всяких. Он мне говорит: «Видишь, как я тебя обеспечил». Я говорю: «Почему меня? Ты себя обеспечил». Он улыбнулся. Ничего не сказал.

Я с ним сидела. Я довольно поздно уходила.

Когда он умер, мне стали набирать телефоны всякие, шоб я позвонила. Взяли у меня книжку, блокнотик с адресами, и дали мне, дали...звонить. Однополчанам дали и всем дали телеграммы. Кучу телеграмм дали. У меня там полный, большая торба с ответными телеграммами.

Так что я его не хоронила. С меня ни копейки денег никто не взял. Они его, значит, никаких...несли его на..., на плечах. Так, у нас была одна мадам, так она сказала положить на машину, а машина не заводилась. И они толкали машину. Вы знаете где наша больница? Вы туда еще не ходили?

СН: Нет, к больнице мы еще не ходили.

ГИ: Ну, это не очень далеко от дома, от этого самого. Ну, вот от дома культуры нашего мы толкали эту машину туда. А она страшно злилась! Ее это очень бесило! Такое внимание к евреям.

СА: А вот евреи потом не говорили Вам, что это неправильно, что не надо было так делать?

ГИ: Мне никто ничего не говорил.

СА: Ничего, да...

ГИ: Ты понимаешь шо, я поставила себя так, шо меня ничего это не интересует. Я не интересуюсь себе, кто шо сказал. Кому я понравилась – не понравилась. И я это всю жизнь, эту политику я веду, потому что, если я буду на это реагировать, то... э-э... это не надо жить.

СН: Ну, да. Прислушиваться к этому...

ГИ: Прислушиваться ко всем сплетням! Ко всем сплетням! Я приехала сюда – бабы ходили в кирзовых сапогах. В таких этих, как их, куртках таких и платках таких. А я приехала в шапочке, в туфлях на таком каблуке. Понятно?!

СН: Ну, да...

СА: Да...

ГИ: И кто шо хотел, то и говорили. А потом они стали сами тянуться. Я одела, надела брюки, да? В девяносто пятом году я приехала из Израиля – привезла брюки. Так мне..., у меня устраивали вот так... как сквозь строй я проходила! Я шла, я ничего не видела-не слышала. Я их не видела-не слышала! А потом эти, что сильно говорили, они сами стали одевать брюки. И сейчас все ходят в брюки и все хорошо. Иногда мне говорят: «Спасибо» *(изображает, как ей это шепчут)*

Так что если на это обращать внимание, это страшная вещь. Если реагировать на все сплетни – это не жизнь.

СН: Да, угу.

ГИ: А в районе я вообще не привыкла к такому. Я уже старая, да, если я с кем-нибудь из молодых людей пройду – это мой любовник...

СН: Ну, это тяжело-то как...

ГИ: Так что... А я иду по улице, мне могут окликнуть: «Бабуля, здрасте» или «Привет» там, или еще что-нибудь такое. Все.